

Факты, мнения, оценка: социально значимая информация и способы ее организации в дискурсе журналистского расследования

Т. В. Чернышова

Алтайский государственный университет,
Российская Федерация, 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Для цитирования: Чернышова, Т. В. (2020). Факты, мнения, оценка: социально значимая информация и способы ее организации в дискурсе журналистского расследования. *Медиалингвистика*, 7 (3), 343–356. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.306>

На материале текстов, созданных в рамках дискурса журналистского расследования и ставших объектом судебного разбирательства, анализируются способы организации и оформления социально значимой информации (фактов, мнений, оценочных суждений), а также рассматриваются возможности вывода медиатекстов, содержащих факты и мнения, из зоны правовых рисков. Основное внимание уделяется информации обобщающего типа. Такая информация воспринимается читателями и экспертами как сведения о фактах, но по сути представляет собой итоговое мнение журналиста, которое сформулировано в обобщающей форме на основе анализа совокупности данных, полученных в ходе журналистского расследования, о типичной деятельности лица или организации. С опорой на исследования современной юридической лингвистики, медиалингвистики, стилистики текста обосновывается статус обобщающей информации, а также выявляются способы трансформации фактической информации в обобщающую. На основе комплексного стилистического анализа газетных текстов, выполненных в жанре журналистского расследования, выделены два способа трансформации социально значимой информации (различного комбинирования фактов, мнений и оценочных суждений) в анализируемых текстах. Первый способ представляет собой перевод фактической информации, почерпнутой журналистом из разных источников, в информацию обобщающего типа, которая вербализуется в итоговом тексте (модель трансформации: факт → авторское обобщающее мнение на основе изученных фактов). Второй способ позволяет информацию о фактах и оценочные высказывания единственного информанта трансформировать в гипотетическое обобщающее мнение, которое должны сформировать читатели после знакомства с публикацией (модель трансформации: факт → обобщающее мнение (оценка) автора в тексте отсутствует, но подразумевается).

Ключевые слова: журналистское расследование, социально значимая оценка, факты, мнения, обобщающая информация, оценочные суждения.

Постановка проблемы. Публичный характер медиакommunikации, критическое осмысление действительности журналистом, полиинтенциональность и многофункциональность медиатекстов, их стилевое разнообразие, совокупность разноразноуровневых лингвистических и экстралингвистических средств, выражающих

отношение автора к описываемому событию (см.: [Дускаева 2018: 23, 55, 74]), — эти и многие другие дискурсивные признаки часто способствуют созданию в медиакommunikации ситуаций речевого конфликта, для разрешения которых участники подобных информационных споров вынуждены обращаться в суд.

Объектом рассмотрения в статье являются тексты журналистского расследования, предполагающие умение автора на основе оценки воссозданного события привлечь внимание общества к социально значимым фактам, избежав при этом правовых рисков, обусловленных оформлением разных видов содержащейся в тексте информации.

Предмет исследования — способы организации и оформления социально значимой информации (фактов, мнений, оценочных суждений, созданных в рамках дискурса журналистского расследования и ставших объектом судебного разбирательства), а также возможности вывода медиатекстов, содержащих факты и мнения, из зоны правовых рисков.

Несмотря на многочисленные публикации экспертов-лингвистов, посвященные разграничению фактов, мнений и оценочных суждений (см., например: [Иваненко 2006; Бельчиков, Горбаневский, Жарков 2010; Доронина 2012; Карагодин 2013]), в ходе проведения лингвистической экспертизы медиатекстов достаточно сложно непротиворечиво разграничить факты и мнения. Основная причина, по замечанию К. И. Брилева, состоит в следующем: «...те презумпции, которые кладутся в основу экспертного исследования по категориям дел, связанным с противопоставлением фактов и мнений, являются неудовлетворительными» [Брилев 2019: 195].

Опираясь на свой многолетний экспертный опыт, позволим себе утверждение о том, что в медиакommunikации как институциональном типе дискурса отрицательное мнение автора по поводу предаваемой гласности информации или негативные оценочные суждения, как правило, сопровождают фактологическую информацию, и именно они позволяют квалифицировать факт как негативно ценный. Немаловажно и то, что в некоторых сферах общения (например, в публичной и массовой коммуникации) порочащими честь, деловую репутацию или умаляющими достоинство лица часто оказывается не упоминание о конкретных фактах, а общая негативная оценка деятельности, деловых качеств личности, ставшей объектом дискредитации [Чернышова 2014]. По нашим наблюдениям, медиатексты, в которых эмоционально-оценочная информация преобладает над фактологической, также обладают высокой степенью конфликтности, а их качественная квалификация во многом зависит, с одной стороны, от профессионализма пишущего, а с другой — от умения эксперта «непротиворечиво разграничивать речевые единицы оценочного и фактологического характера» [Чернышова 2014: 31].

Предмет журналистского расследования как жанра — явления, события, приковывающие общественное внимание. Цель любого расследования — «раскрытие утаиваемого, разоблачение путем предоставления неоспоримых доказательств» [Шиблева 2011: 237–239]. В процессе осуществления журналистской деятельности автор использует такие методы работы с источниками информации, как наблюдение, беседа, интервью, изучение документов и др. Осмысление собранного материала предполагает умение автора дать оценку воссозданного события, интерпретировать его последствия, предупредить общество о существующей социальной опасности [Шиблева 2011: 237–239].

В свою очередь, медиатекст, являясь коммуникативным социальным действием, «объективирующим разные формы профессиональной речевой активности в медиасфере» [Дускаева 2018: 77], насыщен различными видами информации¹, среди которых информация фактическая (фактологическая) — о фактах как истинных событиях и происшествиях, существовавших ранее или существующих в настоящее время, которую можно проверить на соответствие действительности; оценочная информация, чаще всего негативная, как субъективный комментарий автора к излагаемым фактам, а также качествам и поступкам людей, ситуациям, событиям, которые в какой-либо ценностной системе описываются как хорошие или плохие и которые нельзя проверить на соответствие действительности [Бельчиков, Горбаневский, Жарков 2010: 142]; информация обобщающего типа («о типичных событиях, типичном поведении... типичных представителей каких-либо групп» [Бельчиков, Горбаневский, Жарков, 2010: 137]); информация в виде мнения автора публикации (о фактах, событиях, лицах) [Бельчиков, Горбаневский, Жарков, 2010: 140], в виде суждения, выражающего авторскую или иную точку зрения, отношение к кому-либо, чему-либо [Как провести лингвистическую экспертизу... 2006: 48].

Цель исследования — изучение на материале текстов дискурса журналистского расследования, ставших объектом судебного разбирательства, способов организации социально значимой информации в виде информации обобщающего типа, которая оформлена в тексте как итоговое мнение журналиста, сформулированное в обобщающей форме в ходе журналистского расследования на основе анализа совокупности данных о типичной деятельности лица или организации.

В задачи исследования входит, с одной стороны, обоснование с учетом содержания научных источников статуса обобщающей информации как текстовой, отражающей итоговое мнение журналиста, с другой — выявление информации обобщающего типа в спорных текстах жанра журналистского расследования, ставших объектом судебного разбирательства, и описание способов комбинирования (трансформации) разных типов информации в тексте.

Описание материала и методики исследования. Материал исследования — тексты газетных публикаций, прошедшие через процедуру лингвоэкспертного анализа, осуществленного нами: две статьи журналистов В. Минаевой и В. Алексева, выполненных в жанре журналистского расследования и опубликованных в «Комсомольской правде» (КП. 02.2018; 19.02.2018), и статья С. Кольцова, опубликованная в газете «Московский комсомолец в Кузбассе» (МК в Кузбассе. 31.01–07.02.2018).

Для обоснования статуса обобщающей информации как отражающей итоговое мнение журналиста «о типичных событиях, типичном поведении типичных представителей каких-либо групп», сформированное на основе изучения материалов по теме расследования, использованы следующие методические процедуры: прием сопоставительного и семантического анализа концептов «событие», «факт», «мнение»; приемы сопоставления, интерпретации полученных результатов и моделирования условий трансформации мнения или оценочного суждения в факт и факта — в обобщающее мнение.

¹ Вслед за исследователями под информацией мы понимаем «совокупность языковых высказываний о мире, событиях, положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям» [Бельчиков, Горбаневский, Жарков 2010: 137]. Она может быть фактологической, обобщающей, оценочной, концептуальной и директивной.

С целью выявления суждений автора, сформулированных на основе информации обобщающего типа в спорных текстах жанра журналистского расследования, применена авторская методика комплексного лингвостилистического анализа [Чернышова 2016: 347–348], включающая приемы стилистического анализа текста; прием интерпретации смысла и толкования значений фраз текста; приемы свертывания, перефразирования, с помощью которых выявлялась логика авторского рассуждения и намерения автора текста; приемы концептуального анализа текста, направленного на выявление наиболее важных для автора речевого произведения понятий, актуализируемых в тексте высказывания, и возможностей их интерпретации с учетом интра- и экстралингвистического контекста; структурно-логический анализ текста и др.

Анализ материала и результаты исследования. Обобщающая информация в данном исследовании понимается как информация, полученная журналистом в ходе журналистского расследования на основе различных источников и обобщенная в виде авторского мнения на основе знания о событиях, поведении «типичных представителей каких-либо групп».

Для обоснования статуса обобщающей информации попытаемся на основе двух «классификаторов», непосредственно связанных с информацией, — события и факта, языковой механизм которых описан Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988], представить модель процессов, происходящих в сознании пишущего в ходе интерпретации изучаемого события и его вербализации в тексте. По мнению Н. Д. Арутюновой, «именно между этими категориями проходит “линия горизонта”, разделяющая “землю” (то, что происходит в мире) и “небо” (отражение происходящего в сознании человека)» [Арутюнова 1988: 8]. Указывая на максимальную близость «фактов» и «событий», автор отмечает, что, «тяготея друг к другу, эти концепты, однако, не пересекают разделяющей их границы» [Арутюнова 1988: 8]. «Концепт события», по мысли исследователя, соприкасается с «концептом факта, хотя они и локализованы в принципиально разных пространствах. События наполняют собой действительность, волнуя ее “как море-окиян”. Перед летописцем проносятся события, но, повествуя о них, он превращает их в сказанья (то есть факты)» [Арутюнова 1988: 170].

Основной категорией, задающей характер функционирования текстов в информационной сфере любого общества и характер интерпретации их участниками медиакommunikации, является **событие** как онтологический объект, который отражает то, что реально происходит в мире, «наполняя собой бытие людей» [Арутюнова 1988: 171].

Событие обладает тройкой локализацией, отражаемой в сообщении: оно локализовано в некоторой человеческой сфере, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит и в которой происходит в некоторое время и в некотором реальном пространстве [Арутюнова 1988: 172]. К характерным признакам события относятся его личностный и социальный характер. Оно отличается особой маркированностью, обусловленной знаковым характером происходящего, не зависит или не полностью зависит от воли человека (т. е. спонтанно), совершается при определенных обстоятельствах, посредством своего имени характеризует то, что происходит в мире, интерпретируя происходящее и давая ему субъективно-оценочную характеристику [Арутюнова 1988: 171–181].

Факт, по мнению Н. Д. Арутюновой, в отличие от события, отражение происходящего в сознании человека. Сравнивая синтаксис существительного *факт* с синтаксисом имен онтологического плана, таких как *событие, происшествие, случай*, Н. Д. Арутюнова отмечает, что его «...употребление вводит имя *факт* в одну категорию с классификаторами ментального и информационного плана..., а также с соотносительным (в синтаксическом смысле) словом *обстоятельство*». Сходство факта с ментальными и информационными классификаторами *известие о том, что...; сообщение о том, что...; слова о том, что...; утверждение о том, что...; гипотеза о том, что...; предположение о том, что...; подозрение, что...; слух о том, что...* и другими подобными, по мнению Н. Д. Арутюновой, «является существенным аргументом в пользу того, что факт коррелятивен суждению, а не непосредственно положению дел в мире [Арутюнова 1988: 152]. Иными словами, значение независимого предложения имеет фактообразующий (препозитивный), а не событийный (ситуативный) характер [Арутюнова 1988: 153]. «Фактообразующее значение функционирует в логическом пространстве... и постоянно сопоставляется с происходящим в целях верификации. Будучи верифицированным, смысл высказывания порывает с автором речи и приобретает автономность; мнение становится знанием (фактом)» [Арутюнова 1988: 8].

Обобщенная схема процессов, происходящих в сознании пишущего в ходе интерпретации изучаемого события и его вербализации в тексте, может быть представлена следующим образом:

СОБЫТИЕ ⇔ МНЕНИЕ ⇔ ФАКТ (ЗНАНИЕ)

Таким образом, журналист, собирая и осмысливая информацию о событии, на базе ее субъективно-оценочного восприятия отбирает факты, которые затем (с опорой на стереотипность ситуации и субъективный опыт) оформляются в суждения как отражение происходящего в сознании человека. Наиболее важным в рамках данного исследования представляется то, что факт (его значение) является способом анализа событий действительности, «имеющим своей целью выделения в них таких сторон, которые релевантны с точки зрения семантики текста» [Арутюнова 1988: 162]. Изучая и отбирая факты для публикации с учетом разных источников, содержащих фактологическую информацию по теме, сопоставляя факты разной временной локации и их характеристику и оценки разными информантами, автор текста обобщает полученную информацию. На основе полученной обобщенной информации может быть сформулировано обобщающее суждение как итог размышлений журналиста о событии, его причинах и последствиях.

Полученная модель работы автора с фактами позволяет, на наш взгляд, обобщать статус обобщающей информации как текстовой, представляющей собой итог авторского осмысления фактологического материала, в ходе которого информация о событии, пройдя этапы оценки, отбора, интерпретации фактов, а затем формирования на их основе высказывания обобщающего типа, вновь возвращается к событию, поданному в тексте как обобщающее авторское мнение:

СОБЫТИЕ ⇔ МНЕНИЕ (обобщающая информация) ⇔ ФАКТ (на основе анализа событий действительности) ЗНАНИЕ

Далеко не все изученные автором материалы попадают в публикацию. Причину этого можно усмотреть в ряде «наиболее существенных принципов, конституирующих позиции субъектов дискурсивных практик», сформулированных М. Фуко в работе «Порядок дискурса» [Фуко 1996] и актуализированных Э. В. Чепкиной применительно к медиадискурсу [Чепкина 2000: 13–18]. Сюда можно отнести принципы, предусматривающие процедуры **исключения**, важнейший из которых — «запрет для говорящего субъекта»: «говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец... не всякому можно говорить о чем угодно» (цит. по: [Чепкина 2000: 13–18]).

Так, авторы анализируемых в следующем разделе публикаций в рамках журналистского расследования знакомилась с разными типами материалов по изучаемой теме. Одним из таких материалов была переписка участников группы в социальной сети «ВКонтакте», о чем кратко сообщается в публикации: *Однако последователей у гуру до сих пор много. У Б<...>ой они тоже нашлись. В ее группе в сети «ВКонтакте» более 4 тысяч человек!* (КП. 02.02.2018). В соответствии с «процедурой исключения» М. Фуко сама переписка остается за рамками журналистской публикации.

Обобщая полученную фактологическую информацию, отталкиваясь от содержания переписки, императивной тональности оценочных высказываний руководителя группы, ее более высокого статуса по отношению к остальным, отразившегося в манере ее общения с другими участниками, и опираясь на обыденные представления о том, как обычно оцениваются такие статусные отношения в закрытой группе, авторы формулируют следующий вывод: *В секте практиковалось слепое подчинение лидеру..., частые голодовки и групповые паломничества к индийским ашрамам* (КП. 02.02.2018). Это высказывание не содержит утверждения о том, что группа сети «ВКонтакте» является сектой в прямом смысле слова, однако, по мнению авторов публикации, отношения между участниками группы напоминают взаимоотношения в секте — некоем объединении лиц, отгородившихся от общения с другими, замкнувшихся в себе.

Проведенное исследование позволяет выделить два способа трансформации социально значимой информации в текстах журналистского расследования. Первый способ представляет собой перевод фактической информации, почерпнутой журналистом из разных источников, в информацию обобщающего типа, которая вербализуется в итоговом тексте (модель трансформации: факты → авторское обобщающее мнение на основе изученных фактов). Второй способ позволяет информацию о фактах и оценочные высказывания единственного информанта трансформировать в гипотетическое обобщающее мнение, которое должны сформировать читатели после знакомства с публикацией (модель трансформации: факты → обобщающее мнение (оценка) автора в тексте отсутствует, но подразумевается). Оба способа входят в зону правовых рисков, переводя подобные тексты в группу потенциально конфликтных.

Полученные результаты, объективирующие понятие обобщающей информации как авторского мнения, позволяют перейти к анализу спорных текстов, ставших объектом судебного разбирательства.

Результаты анализа эмпирического материала. Как указывалось ранее, анализ спорных текстов, выполненных в жанре журналистского расследования, прове-

ден на основе авторской методики комплексного лингвостилистического анализа [Чернышова 2016]. Проведенный структурно-логический, смысловой и стилистический анализ спорных текстов позволил установить их отнесенность к массово-информационному дискурсу [Кожина 1992], а также выявить существенные жанровые признаки, по которым их можно отнести к дискурсу журналистского расследования [Шиблева 2011: 237–239].

Наряду с общими признаками жанра журналистского расследования, в анализируемых публикациях есть и существенные различия, обусловленные как особенностями изданий, так и структурно-логической организацией текстов, повлиявшей на выбор способа трансформации социально значимой информации (фактов, мнений, оценочных суждений).

Способ трансформации социально значимой информации в газете «Комсомольская правда» (февраль 2018 г.). Целевая направленность двух опубликованных в издании статей В. Минаевой и В. Алексеева «Так велел гуру Саи Баба»: жрица секты устранила соперницу, заморив ее голодом» и «Я не чувствую сил, сердце сильно стучит»: попавшая в секту девушка оставила предсмертную записку» — на основе проведенного журналистского расследования привлечь внимание общественности и правоохранительных органов к деятельности организатора группы в социальной сети «ВКонтакте», результатом которой стала смерть одной из ее участниц.

Использование журналистами многочисленных источников информации (комментарии специалистов, беседы с друзьями и близкими погибшей девушки, а также ее электронная переписка в группе «ВКонтакте», фотографии) обусловило тот факт, что многие суждения авторов, содержащиеся в статьях и представляющие их собственное мнение, носят обобщающий характер, т. е. представляют собой сформированное на основе изученного фактологического материала итоговое мнение, опирающееся на стереотипное представление о том, как обычно те или иные факты оцениваются в какой-то ценностной системе.

Обе статьи структурно-логически и композиционно строятся на основе тщательно изученного документального материала. Вся ставшая доступной авторам в ходе проведенного журналистского расследования информация обобщается, и на ее основе формулируется собственное мнение журналистов о случившемся (рис. 1).

Так, статья «“Так велел гуру Саи Баба”: жрица секты устранила соперницу, заморив ее голодом» (КП. 02.02.2018) состоит из двух частей. Первая часть «Йога, сыроедение и Саи-Баба» строится на воспоминаниях друга погибшей девушки Александра, подруги Ирины, обращение родственников о пропаже девушки (*С Еленой С. безуспешно пытались наладить связь друзья, а родственники вообще не могли понять, куда она пропала*). Вторая часть «Наставница Лиля Б» включает рассказы директора центра «Пеликан» Марины Щербаковой о Елене Б., где она работала до того, как она стала последовательницей Саи Бабы и друга Елены С. Александра. Третья часть «За советом к Лоле» базируется на переписке участников группы «ВКонтакте» с Лолой, доступ к которой удалось получить другу Елены С. Максиму. Содержание второй части статьи также опирается на расследование, проведенное Максимом, и на комментарии специалиста — Олега Заева, сотрудника Информационно-консультационного центра по вопросам сектантства при соборе во имя Святого Александра Невского.

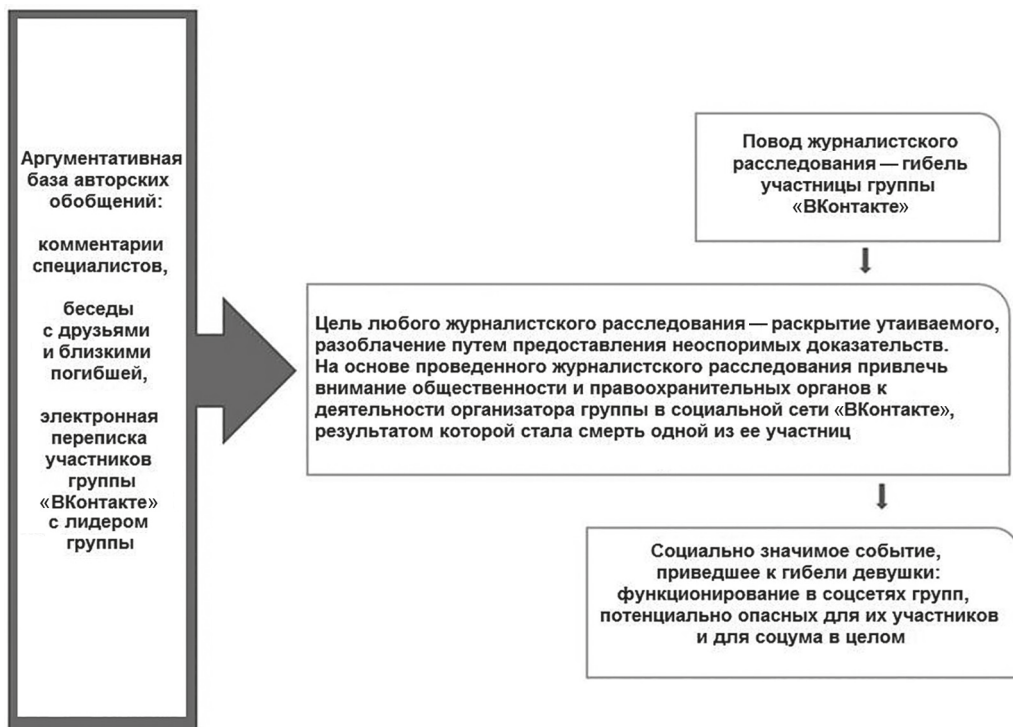

Рис. 1. Содержательные компоненты публикаций газеты «Комсомольская правда» (февраль 2018 г.). Составлен автором

Статья ««Я не чувствую сил, сердце сильно стучит»: попавшая в секту девушка оставила предсмертную записку» (КП. 19.02.2018) продолжает поднятую тему и в какой-то мере повторяет структуру первой статьи. Основное ее содержание строится на личном расследовании друзей Елены С., которым стала доступна ее переписка «ВКонтакте», мнениях психиатра-криминалиста доктора медицинских наук Михаила Виноградова, Александра Чеха, который в 2004 г. был гостем в ашраме у индийского гуру, бывшего следователя, юриста Сергея Егорова и на интервью с Яковом Новоселовым, кандидатом медицинских наук, врачом-диетологом.

Богатая фактологическая база журналистского расследования не только позволяет автору отразить разные точки зрения на трагическое событие, но и способствует формированию таких важных качеств журналистского текста, как **объективность** и **достоверность**. В ее построении реализован еще один принцип, актуализированный Э. В. Чепкиной вслед за М. Фуко применительно к медиадискурсу. Он связан с категорией автора текста и регламентирует его действия: «функция-автор выступает критерием истинности текста»; «автор выступает как некое поле концептуальной и теоретической связности: его текстам должна быть присуща доктринальная непротиворечивость» [Чепкина 2000: 16–17].

С лингвоэкспертной точки зрения формулирование итогового мнения авторов статьи через обобщение ставших известными им в ходе журналистского расследования фактов выводит журналистов из зоны правового риска, поскольку их роль в данном случае состоит не в том, чтобы обнаружить негативные факты (в тексте

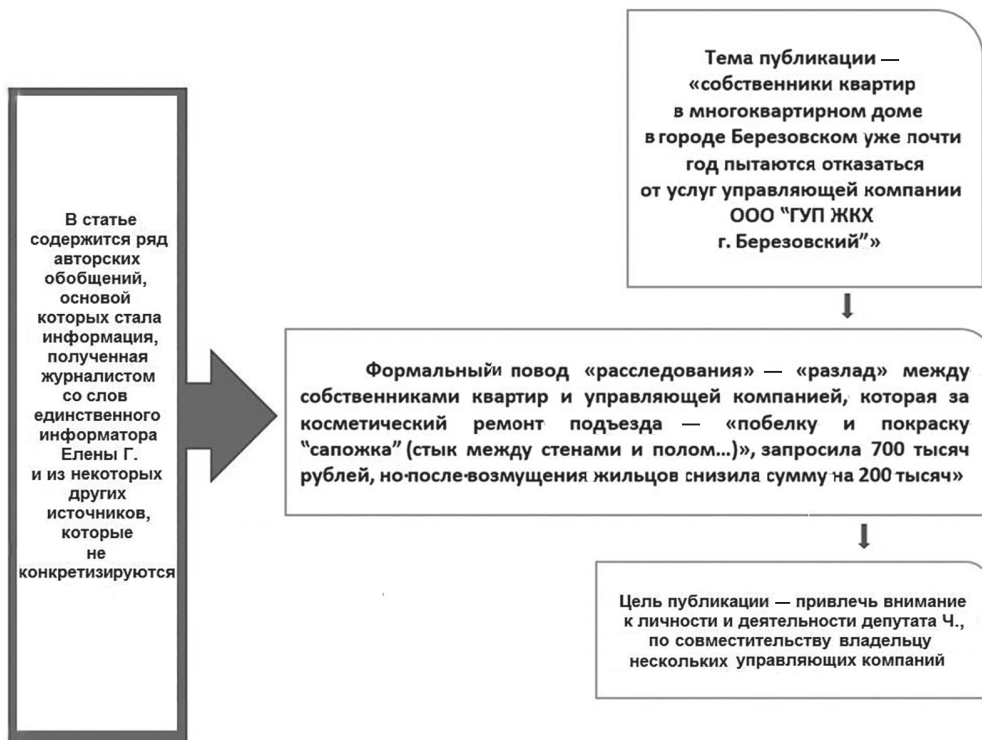

Рис. 2. Содержательные компоненты публикации «ЖКХ — крепостное право?» в газете «Московский комсомолец в Кузбассе» (31.01–07.02.2018). Составлен автором

нет информации о фактах, которые нужно проверять на соответствие действительности), а в том, чтобы, обобщив имеющиеся сведения и высказав собственное мнение или оценочное суждение, дать выявленным негативным фактам социальную оценку и привлечь к ним внимание правоохранительных органов и общества в целом (см. рис. 1).

На основании проведенного комплексного стилистического анализа двух текстов можно говорить о реализации в них первого из представленных ранее способов трансформации социально значимой информации в текстах журналистского расследования: фактологическая информация, почерпнутая журналистами из разных источников, предстает в итоговом тексте как информация обобщающего типа (факт → авторское обобщающее мнение на основе изученных фактов).

Способ трансформации социально значимой информации в газете «Московский комсомолец в Кузбассе» (31.01–07.02.2018). Тема публикации С. Скворцова «ЖКХ — крепостное право?» — собственники квартир в многоквартирном доме в городе Березовском уже почти год пытаются отказаться от услуг управляющей компании ООО «ГУП ЖКХ г. Березовский»» (рис. 2).

Автор, ограниченный дискурсивными принципами, предусматривающими процедуры исключения («говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах и т. д.»), пытается привлечь внимание к противоправной деятельности депутата местного совета, условно названной им «ЖКХ-

доминированием». С этой целью автор использует для журналистского расследования формальный повод: «разлад» между собственниками квартир и управляющей компанией, которая за косметический ремонт подъезда — *побелку и покраску «сапожка» (стык между стенами и полом)* — запросила 700 тысяч рублей, но после возмущения жильцов снизила сумму на 200 тысяч. Именно этому событию посвящены первая и третья часть публикации, имеющие следующие подзаголовки: «Почем “сапожок”?» (1) и «Недоуведомлены» (3).

Однако уже в первой части автор передает информацию, касающуюся деятельности депутата Ч.: без конкретизации источника сообщается, что руководителем и одним из учредителей указанной управляющей компании является *депутат кемеровского Горсовета*, который имеет отношение еще к двум управляющим компаниям, будучи в одной из них директором, а в другой — учредителем. В заключительных трех абзацах первой части без ссылки на источник приводится информация об управляющих компаниях, к которым в г. Березовском имеет отношение все тот же депутат кемеровского Горсовета: *в ГУП ЖКХ народный избранник числится не только руководителем, но и является одним из учредителей. Второй учредитель предприятия — это некое АО ХК «ТДК», в котором все тот же депутат указан как управляющий — индивидуальный предприниматель, а в ООО «Тайга» он же фигурирует как директор, а учредителем общества является однофамилица депутата...* (МК в Кузбассе. 31.01–07.02.2018).

Во второй части публикации, имеющей подзаголовок «Криминальный привет», история депутата получает дальнейшее развитие. В первом абзаце утверждается, что почти половина рынка управляющих компаний в сфере ЖКХ города (три из восьми) связана с упомянутым депутатом: *Так что кемеровского депутата, как видится, вполне можно назвать держателем самой большой доли этого рынка. В реальности ЖКХ-доминирование выглядит еще более внушительным. Так, из 254 многоквартирных домов, которыми управляют в Березовском восемь УК (согласно данным на сайте «Реформа ЖКХ»), 163 дома находятся под опекой трех <его> предприятий... То есть более 60 процентов рынка УК в натуральном выражении закрывают структуры кемеровского депутата»* (МК в Кузбассе. 31.01–07.02.2018). Показательно, что, передавая эту неавторизованную информацию, автор не дает ей негативной оценки. Негативный оттенок информация приобретает в структуре анализируемой статьи в связи с тем, что автор располагает ее в первом абзаце второй части («Криминальный привет»), хотя композиционно эта информация должна была завершать первую часть. Помещается эта информация непосредственно перед сведениями, полученными автором публикации от единственного информанта Елены Г., председателя по доверенности вновь зарегистрированного ТСН собственников жилья. Таких фрагментов три: а) рассказ Елены Г. о том, что попытка собственников жилья *уйти под крыло* других компаний закончилась советом неизвестных *не связываться с домом, которым управляет ООО «ГУП ЖКХ г. Березовский»*. Мол, себе дороже; б) *пугающая история* в изложении того же информанта, сообщившего об угрозах в ее адрес (если она *не перестанет мутить воду*) со стороны некоего *известного в городе криминального авторитета, который в настоящее время отбывает наказание в исправительной колонии*; в) рассказ Елены Г. о жильце этого же дома, в окно которого *неизвестные бросили камень сразу после того, как он стал отказываться от услуг ГУП ЖКХ*. Все фрагменты сопровожда-

ются указанием на источник информации: *рассказала Елена Г., по словам все той же Елены Г., как вспоминает Г., сама Елена Г. и вовсе рассказывает* и др. Все это свидетельствует о том, что автор публикации не утверждает истинность высказываний и не берет на себя ответственность за истинность сообщенного ему информантом, поскольку переданная информация, не подтвержденная документами и фотографиями, не может быть проверена на соответствие действительности, т.е. по сути является личным мнением источника информации. На субъективную оценку полученной информации указывает и сам автор: *Возможно, это домыслы запуганной женщины и никакой реальной опасности за такими «приветами из зоны» нет.*

Информация о «доминировании» кемеровского депутата на рынке услуг ЖКХ г. Березовский внешне никак не связывается автором с рассказами Елены Г. об угрозах «криминальных элементов» в адрес собственников жилья, решивших отказаться от услуг ООО «ГУП ЖКХ г. Березовский». В тексте нет утверждения о том, что депутат имеет какое-либо отношение к поступившим в адрес Елены Г. угрозам или иным криминальным действиям. Нет и информации о том, что он связан с криминальными структурами. Однако расположение этой информации перед блоком, содержащим рассказ информанта об угрозах, устанавливает ассоциативную связь между депутатом и последовавшими далее действиями криминального характера. На наш взгляд, автор, не давая собственной оценки полученной информации, опираясь на структурно-логическую организацию текста, рассчитывает на то, что читатель сам сделает необходимые обобщения и даст правильную оценку деятельности депутата.

Таким образом, в рассматриваемом тексте реализован второй вариант организации социально значимой информации: факт → обобщающее мнение (оценка) автора в тексте отсутствует, но подразумевается.

Слабым местом публикации, актуализирующим правовые риски, можно назвать, во-первых, отсутствие ссылки на источник фактологической информации об объемах негосударственной деятельности кемеровского депутата; во-вторых, использование в качестве аргументативной базы информации, поступившей только от одного лица.

Выводы. Статус информации обобщающего типа может быть определен как текстовая информация, представляющая собой итог осмысления автором фактологического материала, в ходе которого сведения о событии, пройдя этапы оценки, отбора и интерпретации фактов, а затем формирования на их основе обобщающей информации, вновь возвращаются к событию, поданному в тексте как обобщающее авторское мнение.

На основе комплексного стилистического анализа газетных текстов, выполненных в жанре журналистского расследования и прошедших через процедуру лингвоэкспертного анализа, выделены два способа трансформации социально значимой информации (различного комбинирования фактов, мнений и оценочных суждений) в анализируемых текстах. Она может осуществляться либо при помощи обобщающего итогового мнения журналиста, сформулированного на основе кропотливого изучения собранных фактов, либо через привлечение неавторизованной фактологической информации, выражающей оценку и личное мнение информанта, но не предполагающей формулировку авторского обобщающего мнения, которое тем не менее может быть сформулировано читателем самостоятельно. Хотя оба

способа потенциально входят в зону правовых рисков, однако, по нашему мнению, за счет введения информации обобщающего типа минимизируется возможность оценки подобных текстов как содержащих речевые правонарушения.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. (1988). *Типы языковых значения. Оценка, событие, факт*. Москва: Наука.
- Бельчиков, Ю. А., Горбаневский, М. В., Жарков, И. В. (2010). *Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов: сборник материалов*. Москва: Информкнига.
- Бринев, К. И. (2019). Факты и оценки, факты и мнения: анализ оппозиций субъективное объективное, верифицируемое / неверифицируемое. *Культура и текст*, 4 (39), 194–201.
- Доронина, С. В. (2012). Факты и мнения: речевые средства выражения персуазивного модуса в публицистическом дискурсе с точки зрения лингвистической экспертизы. *Журналистика и культура русской речи*, 3, 62–82.
- Дускаева, Л. Р. (Ред.). (2018). *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник*. Москва: Флинта.
- Иваненко, Г. С. (2006). *Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации*. Челябинск: Полиграф-Мастер.
- Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста?* (2006). Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов. Москва: Юридический мир.
- Карагодин, А. А. (2013). Разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений в ходе экспертного исследования спорного высказывания. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12 (30), II, 86–89.
- Кожина, М. Н. (1992). Интерпретация текста в функционально-речевом аспекте. *Stylistyka. Opole*, I, 39–50.
- Фуко, М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. Пер. с фр. Москва: Касталь.
- Чепкина, Э. В. (2000). *Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000)*. Екатеринбург: Изд-во УрФУ.
- Чернышова, Т. В. (2014). Типологические признаки речевого жанра дискредитации в медиадискурсе. *Филология и человек*, 1, 31–39.
- Чернышова, Т. В. (2016). Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблемы выбора метода в современной лингвоэкспертной практике. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Исследования по балканистике. Лингвистическая судебная экспертиза: типы, методы, решения*, XII, 3, 335–350.
- Шиблева, Н. А. (2011). Жанр журналистского расследования и его функционирование в российских газетах. *Молодой ученый*, 2, 1, 237–239.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2020 г.;
рекомендована в печать 19 апреля 2020 г.

Контактная информация:

Чернышова Татьяна Владимировна — д-р филол. наук, проф.; labrlexis@mail.ru

Facts, opinions, assessment: Socially significant information, methods of its organization in the discourse of journalistic investigation

T. V. Chernyshova

Altai State University,
66, ul. Dimitrova, Barnaul, 656049, Russian Federation

For citation: Chernyshova, T. V. (2020). Facts, opinions, assessment: Socially significant information, methods of its organization in the discourse of journalistic investigation. *Media Linguistics*, 7 (3), 343–356. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.306> (In Russian)

The article, based on texts created within the framework of the discourse of journalistic investigation and which became the subject of legal proceedings, analyses the methods of organizing and processing socially significant information: facts, opinions, and value judgments. The article also considers the ability to withdraw media texts containing facts and opinions from the zone of legal risk. Emphasis is given to a particular type of information – information of a generalizing type, often perceived by readers and experts as information about facts, but essentially representing a journalist's final opinion that is formed on an analysis of the total data studied in a journalistic investigation on information concerning the typical activities of a person or organization. The article is based on the research of modern legal linguistics, media linguistics, and stylistics of a text. The status of generalizing information is substantiated and ways of transforming factual information into generalizing information are revealed. Based on a comprehensive stylistic analysis of newspaper texts in the genre of journalistic investigation, two methods of transforming socially significant information (various combinations of facts, opinions, and value judgments) are identified. The first method is the translation of factual information gathered by a journalist from various sources into generalizing information that is verbalized in the final text (transformation model: fact — author's generalized opinion based on the facts studied). The second method allows for transforming information on facts and evaluative statements of a single informant into a hypothetical generalized opinion, which readers should form after familiarizing themselves with the publication (transformation model: fact — a generalizing opinion (assessment) of the author is absent in the text, but it is implied).

Keywords: journalistic investigation, socially significant assessment, facts, opinions, generalized information, value judgments.

References

- Arutiunova, N. D. (1988). *Types of language meanings. Assessment. Event. Fact*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Bel'chikov, Iu. A., Gorbanevskii, M. V., Zharkov, I. V. (2010). *Guidelines for the linguistic examination of controversial texts: a collection of materials*. Moscow: Informkniga Publ. (In Russian)
- Brinev, K. I. (2019). Facts and estimates, facts and opinions: the analysis of the opposition is objective, verifiable / unverifiable. *Culture and Text*, 4 (39), 194–201.
- Chepkina, E. V. (2000). *Russian journalistic discourse: text-generating practices and codes (1995–2000)*. Ekaterinburg: UrFU Publ. (In Russian)
- Chernyshova, T. V. (2014). Typological features of the discrediting speech genre in media discourse. *Filologia i chelovek*, 1, 31–39.
- Chernyshova, T. V. (2016). Analytical and expert activity of a philologist and problems of method selection in modern linguistic expert practice. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. Balkan Studies. Linguistic forensics: types, methods, decisions*, XII, 3, 335–350. (In Russian)
- Doronina, S. V. (2012). Facts and opinions: the speech means of expressing the Persuasive mode in journalistic discourse from the point of view of linguistic expertise. *Zhurnalistika i kul'tura russkoi rechi*, 3, 62–82.

- Duskaeva, L.R. (Ed.). (2018). *Medialinguistics in terms and concepts: a dictionary*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)
- Foucault, M. (1996). *The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality*. Works of different years. Transl. from French. Moscow: Kastal' Publ. (In Russian)
- How to conduct a linguistic examination of a controversial text?* (2006). Memo for judges, media lawyers, lawyers, prosecutors, investigators, interrogators and experts. Moscow: Iuridicheskii mir Publ. (In Russian)
- Ivanenko, G.S. (2006). *Linguistic expertise in the processes of protecting honor, dignity, business reputation*. Cheliabinsk: Poligraf-Master Publ. (In Russian)
- Karagodin, A. A. (2013). Differentiation of statements of fact and value judgments in the course of an expert study of a controversial statement. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12 (30), II, 86–89. (In Russian)
- Kozhina, M.N. (1992). Interpretation of the text in the functional-speech aspect. *Stylistyka. Opole*, I, 39–50.
- Shibleva, N. A. (2011). The genre of journalistic investigation and its functioning in Russian newspapers. *Molodoi uchenyi*, 2, 1, 237–239. (In Russian)

Received: March 1, 2020

Accepted: April 19, 2020

Author's information:

Tatiana V. Chernyshova — Dr. Sci. in Philology, Professor; labrlexis@mail.ru